

Семантический дрейф в русской лексике, причастной к зрению.

О.Ю.Орлов

Институт проблем передачи информации РАН им. А.А. Харкевича.

graf@iitp.ru

Аннотация

Лексический материал, исходно обслуживающий определенную сферу действительности или деятельности, в силу характерных особенностей мышления имеет тенденцию быть использованным применительно к иному материалу. Прагматика языка ведет к семантическому дрейфу – смене предметной области использования прежней лексики, и порождению новой, однокорневой с нею, что затушевывает этимологию слов. Приводятся примеры из лексики, изначально имеющей тесную связь с деятельностью, зависящей от зрительного восприятия.

По понятным причинам язык и лексика принадлежат прежде всего к сфере компетенции лингвистики и языкознания. Вместе с тем язык – это не только объект академического исследования, но и элемент повседневности живых носителей языка, так что совершенно естественно он оказывается в поле внимания иных дисциплин, например психолингвистики и социальной психологии. Для нейрофизиолога проблемы языка неотделимы от наличия в мозге человека специализированных зон коры головного мозга, связанных с восприятием и порождением речи. Ряд форм мышления неотделим от языка (внутренней речи), и взгляд нейробиолога, имеющего касательство к общим проблемам организации поведения, имеет основания отличаться от подходов лингвиста и физиолога. Для него и мышление, и язык являются компонентами целенаправленного, целеподчиненного поведения, называемого активностью; они служат средствами его построения (например, слова могут играть роль инструкции, указания, нужных для достижения цели). Поэтому не следует удивляться тому, насколько различны представления лингвиста и нейробиолога, например, на такую проблему, как соотношение сообщения (текста) и его смысла: для лингвиста смысл «содержится» в сообщении, тогда как с альтернативной точки зрения смысл есть «результат осмысления», т.е. продукт обработки сообщения мозгом его получателя, и потому от него неотделимым [9].

И поведение животных, и мышление человека в существенной мере опираются на прошлый опыт, на формирование и использование ассоциаций, хранимых в памяти. Непрерывно пополняемый багаж собственного опыта представляет массив бесчисленных «ассоциаций по совпадению» (в терминологии Аристотеля), которые у нас принято не совсем аккуратно отождествлять с условными рефлексами Павлова. В действительности многие ассоциации формируются (образуются в ткани мозга) благодаря хотя бы разовому совпадению разных событий (такова феноменология импринтинга), а не только регулярному повторению их последовательности во времени. Другая сторона ассоциаций – их активирование, лежащее в основе возможности использования прошлого опыта – замечательна не только тем, что предъявляет сознанию одновременно текущую и прошлую ситуации, но еще и тем, что не требует для этого *точного* совпадения множества их параметров. Важнейшим свойством памяти и ее активирования является способность *узнавания сходства* текущей ситуации и прошлых моментов, в том числе многих похожих, но не обязательно точно таких же. Это похоже на Аристотелеву «ассоциацию по сходству», с той оговоркой, что сходство может лежать очень далеко от уровней прямого отображения объектов или ситуаций. Они сами могут быть легко различимы в терминах непосредственно наблюдаемых свойств и параметров, но при этом быть «похожими», то есть объединяться по признакам, являющимся результатом весьма сложного анализа, – на уровне далеких деривативов исходного. Поэтому именно способность узнавания черт сходства разных объектов является тем феноменом, на котором основано широкое использование прошлого опыта (и формирование условных рефлексов в частности). Не случайно М.М.Бонгард [3] счел проблему узнавания кардинально важной для понимания подходов к моделированию алгоритмов мышления. Занятной иллюстрацией того, с какой легкостью справляется наше сознание с языковой задачей ассоциирования вещей далеких, но имеющих «что-то общее», служит привычное нам выражение «*ходят слухи*». Мы конечно же понимаем, что *слухами*, которые *ходят* (т.е. циркулируют во внешнем окружении), являются высказывания, а не слуховые ощущения; но для понимания сути дела

нам достаточно и такого, можно сказать небрежного, упоминания предмета, имеющего «нечто общее» с ним. В подобных случаях уместно было бы говорить об ассоциации не по сходству, а по смыслу.

Ни из чего, однако, не следует, что легкость осмысления подобных выражений служит аргументом в пользу простоты стоящих за ним процедур (алгоритмов). Фантастическая эффективность механизмов зрительного восприятия и понимания (осмысления) речи, особенно на родном языке, всего лишь маскирует сложность скрытых от нашего внимания процессов, на поверхности событий выглядящих простыми, как коленный рефлекс.

Обращаясь к языку и лексике, мы можем констатировать, что на узнавании общности вещей строится широкий спектр лексических средств, использующих адресацию к чему-то предположительно известному. Прежде всего, это все то, что включает прямые указания на сопоставление и отождествление, обращая внимание на сходство либо контраст вещей: *как, как будто, подобно [тому как], в отличие от*, и т.п. (*Специалист подобен флюсу: полнота его одностороння. Иной человек подобен колбасе: чем его начинают, то он в себе и носит.* – Козьма Прутков; м ноги максимы этого великого философа построены на «как»). Однако нет никакой непроходимой грани между фигурой сравнения, метафорой [1] (использованием слов «в переносном смысле»), сказками («сказка ложь, да в ней намёк»), притчами Учителя и многими обычными словами, по сути апеллирующими к чему-либо общеизвестному – такое очень обычно, например, в обозначении цветов и оттенков: *белоснежный*, т.е. *снежно-белый* – “такой как снег”; *небесно-голубой*, *красно-красный*, *малиновый*, *сиреневый*, *кирпичный* и т. д., – каждый их которых, по сути, «такой как» нечто иное).

В плане прагматики языка как составляющей целеподчиненного поведения, средства достижения цели [2, 9], весьма обычна привязанность лексического материала к обслуживанию той или иной сферы действительности, к определенному кругу предметов, событий и проблем. Хрестоматийным примером этого может служить семейство однокорневых глаголов, производных от *носить* и *нести*, в своем исходном значении связанных с актуальной сферой действий, направленных на манипулирование предметами, на их перемещение:

<i>вносить</i>	–	<i>внести</i> ,
<i>возносить</i>	–	<i>вознести</i> ,
<i>выносить</i>	–	<i>вынести</i> ,
<i>доносить</i>	–	<i>донести</i> ,
<i>заносить</i>	–	<i>занести</i> ,
<i>наносить</i>	–	<i>нанести</i> ,
<i>носить</i>	–	<i>нести</i> ,
<i>обносить</i>	–	<i>обнести</i> ,
<i>относить</i>	–	<i>отнести</i> ,
<i>переносить</i>	–	<i>перенести</i> ,
<i>подносить</i>	–	<i>поднести</i> ,

<i>преподносить</i>	–	<i>преподнести</i> ,
<i>приносить</i>	–	<i>принести</i> ,
<i>уносить</i>	–	<i>унести</i> .

Замечательна смысловая пластичность, придаваемая этим глаголам одним лишь варьированием приставок, и естественность, с которой использования их совершенной формы в повелительном наклонении вписывается в состав распорядительных высказываний. Но здесь нам важно другое – то, что все они, в своем начальном словоупотреблении, имеют отношение к одной и той же компактной предметно-сюжетной сфере действительности, действий и высказываний – к одному и тому же семантическому полю. Именно эта смысловая компактность делает особенно наглядным то, как метафора и иное использование слова в переносном смысле, или же просто с опорой на тотальную способность узнавания «чего-то похожего», уводит слово (или его однокорневое производное), из исходной, первичной семантической области в иную, вовлекая корневой материал в обслуживание совершенно новых сценариев действительности. На данной лексической фактуре примерами могут служить такие производные однокорневые слова, как *взнос*, *заносчивый*, *износить* (одежду), *невыносимый* (*непереносимый*), *произносить*, и такие фигуральные употребления этих глаголов, как *занести в список*, *приносить* извинения, *доносить* на кого-либо и т. п. – без изменения их морфологии.

Всё вышесказанное не претендует на новизну, а скорее служит развернутым введением, предваряющим рассмотрение нескольких примеров того, как лексический материал, заимствованный из одной предметной области (в данном случае связанной со зрительным восприятием), рекрутируется для обслуживания достаточно далеких тем. Общая значимость, или практический интерес этого широко распространенного феномена (семантического дрейфа корневого материала) состоит в том, как он соотносится с построением генеалогических отношений языков, опирающихся на статистические показатели лексики – оценки сходства частоты однокорневых слов в сравниваемых языках [5, 6]. Приводимые ниже примеры такого дрейфа, свойственные русскому языку, быть может служат иллюстрацией лексической динамики, необязательной для иных языков.

Нет необходимости обсуждать общеизвестную исключительную значимость зрения в жизни человека. Зрение служит важнейшим источником личного опыта, и богатство связанной со зрением лексики в едва ли не во всех языках без исключения неоднократно обсуждалось [8]. Заслуживает специального упоминания известный «список Сводеша», краткий вариант которого включает только сто слов, предположительно свойственных гипотетическому праязыку, жизненно необходимых человеку, еще на заре становления языков. Как бы ни относиться к достоверности самой концепции Сводеша, нельзя обойти тот факт, что в число первоначально важных слов ее автор включает

четырнадцать (14!) непосредственно причастных к зрению: *глаз, видеть, солнце, луна, звезда, облако, туман, небо, красный, зеленый, желтый, белый, черный*. Даже если исключить солнце, туман и облако, которые могут вызывать не только зрительные ощущения и могут восприниматься и помимо его, важность зрения очевидна. Естественно, что богатейший зрительный опыт общения с окружающим миром порождает соответственно богатую лексику, которая позже вовлекается в широкий поток метафор, выводящих «зрительный» корневой материал далеко за пределы исходной предметной области. Столь же естественно, что «этимологический аспект» этого, т. е. эта интересная исследователью связь обыденной лексики с некогда породившей ее действительностью, подчас не привлекает внимания словопользователя. Три примера семантического дрейфа лексического материала, довольно далекого от самого зрения, но непосредственно связанного со зрительной практикой, включают три предмета: *лицо, письменность* (в широком смысле слова) и *след*.

Лицо человека является важнейшим элементом для его узнавания окружающими, благодаря тонкому зрительному анализу ряда мелких черт – деталей его морфологии. Сегодня алгоритмы распознавания лиц в существенной мере изучены, и достаточно успешно поддаются компьютерному симулированию. Живое зрительное опознание лица связано с функционированием специальных отделов зрительного анализатора головного мозга, и нарушение этой достаточно тонкой процедуры, называемое прозопагнозией, представляет собой синдром, известный нейропатологам. Значимость физиономии, как средства идентификации личности, отражена в повсеместной практике использования фотографий в паспортах. Способность запоминать и различать лица доступна профессиональной тренировке. Портю в больших гостиницах должен знать «в лицо» сотни постояльцев, и уметь запоминать их при вселении. Виктор Суворов в «Аквариуме» пишет о том, как профессиональных разведчиков тренируют на мгновенное узнавание нужной фотографии среди множества случайных. Регулярно приходится слышать о том, что «составлен фоторобот разыскиваемого», т. е. примерный шаблон для того, кто по нему, предположительно с большим успехом, нежели наугад, опознает преступника «в лицо». На лице человека, как на дисплее, отображается богатая гамма эмоций и его общего состояния [4].

Представляется достаточно естественным и присущим не только русскому языку лексическое сближение лица человека и «лицевой стороны» строения (*фасад* – фр.), ее элементов (*наличник*) или одежды (которую можно *перелицевать*). Но похоже чисто русскими деривативами являются *наличные*, т. е., воочию представленные (либо, напротив, *безналичные*, т. е. по счёту) деньги, популярные способы их *обналичивания*, различия и отличия предметов, включая *знаки отличия*

военнослужащих, *безразличие*, отличные оценки учащихся (подчеркивающие достоинства, свойственные не всем), правила *приличия* и *приличная* публика, *неприличная* лексика и поведение, и т. п. Глубоко укоренилось в русском бюрократическом хорошо всем известное и неоднократно обсуждавшееся отождествление лица и персоны: *первые лица государства* (= VIP-персоны), пресловутые «*лица кавказской национальности*» и *лица*, не достигшие ... лет, «...и лично товарища Сталина (Леонида Ильича Брежнева)!».

Письменность: каким бы то ни было видам письменности, т. е. графическим способам записи речи, не больше десяти тысяч лет. Эпохе письменности предшествовала заметно более продолжительная эпоха первобытной живописи (наскальной и пещерной), – совершенно уникального феномена, явившегося в ходе становления человеческого интеллекта. И то и другое обязано развитию точных движений руки под зрительным контролем, не говоря уже о том, что оба феномена адресованы зрительному восприятию. Развитие письменной (а позже печатной) информационной технологии вело к становлению собственного лексического арсенала, который затем, как и в других случаях, незаметно вовлекался в обслуживание иных сторон действительности и служил источником лексических деривативов. Привычное нам путинское «хочу особо *подчеркнуть*» из этого списка: *черта* характера, *точка* зрения, *линия* партии, *подвести черту*, *круг* знакомых, *буква* закона, *непечатные* выражения, *чистописание*, *писать* стихи, *поставить точку*, *расставить точки над “i”*, *начать с белого листа* (*карт-блани* – фр.), *с красной строки*, *расписание* (последовательность регулярных событий), *расписаться* (вступить в брак; в своей некомпетентности), *записаться* на прием, *подписаться* на газету, *прописная* истина, *точность*, *пунктуальность*, *нелинейность* и многое другое вошло в разные сферы нашей повседневности, не привлекая внимания к своей первоначальной предметной области.

Следы оставляемые людьми и животными на почве, снегу, на любом ином «носителе», всегда были в ряду жизненно важных объектов зрительного восприятия, особенно в эпоху после «простого собирательства», предположительно свойственного начальным фазам становления человечества. Активная охота, требовавшая выслеживания добычи, делалась все более распространенной по мере совершенствования способов изготовления оружия. На некотором этапе она стала массовым явлением и важным фактором в увеличении общей численности человеческой популяции. Идти «по следу» (точнее, по цепочке следов) – одна из популярных форм зрительно-контролируемого целенаправленного поведения. Покинув свою изначальную семантическую прародину, «след» оказался корнем богатого букета его дериватов: *последовательности*, необходимой

как в математике, так и в поступках; *последователей* разного рода первопроходцев и гуру; *следственных* действий (и органов, ведущих *расследование*); научных *исследований* и названий бесчисленных НИИ; политических и иных *преследований*; *наследственности* в биологии и *наследования* материальных ценностей в человеческом социуме, породившем соответствующие нормативные установления для *наследников*. Наука и философия, включая религию и этику, не могут обойтись без краугольных понятий *причины* и *следствия*.

Не лишено интереса, что в японском языке большой пласт слов, совпадающих с массивом русских, однокорневых со словом *след*, передается словами, начинающимися со слога *ато*, либо слога *цуй*. Оба слога имеют разное начертание, но обе группы слов охватывают как сам *след* (отпечаток), так и множество его деривативов, вроде *наследник*, *следовать* позади, *последователь* (преемник), *предшественник*, *последствие*, *преследование* (погоня), *действие после*, *исследование*, *следствие*, *впоследствии*, *вдогонку*, воспоминание и многое другое. Понятно, что не может быть речи о взаимном заимствовании между этими языками; это чистой воды языковой параллелизм, порожденный сходным образом мысли далеких друг другу людей.

Литература

[1] В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, *Метафора в семантическом представлении эмоций*, Вопросы языкознания (1993) № 3.

- [2] Н. Д. Арутюнова, *Прагматика*, Лингвистический энциклопедический словарь, available at <http://tapemark.narod.ru/les/389e.html>.
- [3] М. М. Бонгард. *Проблема узнавания* (1967), «Наука», М. 317 с.
- [4] Ч. Дарвин, *Выражение эмоций у человека и животных*, Соч., Т. 5, Изд-во АН СССР, М. (1953), 657–920.
- [5] М. Т. Дьячок, *О методах генеалогической классификации языков*, Материалы третьей научной конференции преподавателей и студентов 14-15 марта 2002 г, Новосибирск (2002), 105-110.
- [6] М. Т. Дьячок, В. В. Шаповал. *Генеалогическая классификация языков*, Новосибирск (2002), available at <http://www.phyloology.ru/linguistics1/dyachok-shapoval-02.htm>
- [7] С. В. Неверов, К. А. Попов, Н. А. Сыромятников и др., *Большой японско-русский словарь*, Изд-во «Советская энциклопедия», М. (1970), Т. 1, 37–38, Т. 2, 524–526.
- [8] О. Орлов. *Зрительная терминология в познании и общении*, Альманах Порт-фолио (литературно-публицистический сборник) (2003), вып. 38 и 39, available at <http://www.port-folio.org/part405.htm> и <http://www.port-folio.org/part421.htm>.
- [9] V. S. Fain., L. I. Rubanov, *Activity and understanding/ Structure of action and oriented linguistics*, World Scientific, Singapore New Jersey London Hong Kong, (199), 300 pp.